

Льва Николаевича Толстого, для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самим людям быть лучше. Будут люди лучше – сама собой устроится та жизнь, которая должна быть среди хороших людей. И еще его две цитаты из хорошо известного двухтомника «Круг чтения». Великие мысли исходят из сердца. Не учи сердце свое, а учись у него. Философия сердца доказывает, что синтез возможен через культуру сердца, этого вместилища универсальной космической энергии, мудрости и обители высшего «Я». Главным стержнем сердца, как органа, объединяющего чувства, является любовь, которая определяет высшую нравственность и духовную культуру человека. Таким системным, космоцельным видением мироздания обладали наши выдающиеся мыслители и, прежде всего, ученые: Циолковский, Чижевский, Вернадский, Рерих. Они высказали идеи, которые во многом опередили развитие магистральных направлений в науке и культуре XX века. Флоренский, например, ввел такое особое понятие, как пневмосфера. Ее тонкоматериальная субстанция формируется сознанием человека, духом пассионарных личностей, имеющих сверхтелесные органы, воздействующие на весь мир. Пневмосфера является тончайшим слоем духовной культуры, верхним слоем, наиболее высокоэнергетическим слоем того пространства, которое в свое время Вернадский обозначил как ноосфера. Предметы материальной культуры быта подпитываются именно этой созидательной энергией человеческого сердца и вместе с тем обретают особую устойчивость к воздействию времени. Завершим наш доклад притчей о том же сердце: «Спросили ангелов: что такое рай. Ангелы ответили: рай – это сердце, в котором обитает любовь. Затем их спросили: что такое ад? Ответили ангелы: место, где неведома любовь». Дорогие друзья! Россия сегодня нуждается в героях духа. И если наши сердца укоренены в землю русскую, то, по завету преподобного Сергия Радонежского, нашим сердцам суждено мужественно дерзать и светить. Наставления игумена были краткими. Когда к Сергию пришел святитель Алексей с вопросом, что делать, Сергей ответил: «Помоги земле русской». Когда Сергия спросил крестьянин, что делать, он ответил: «Помоги земле русской». Когда Минин обратился к Сергию, тогда ему пришел ответ: «Помоги земле русской».

В завершение доклада могу лишь добавить, что в данном сообщении ваш покорный слуга постарался собрать и преподнести участникам Собора букет из лучших благоухающих роз русской культуры. Но его заслуга здесь только в серебряной нити сердца, постаравшегося объединить всех нас в благодатном пространстве земли русской. Всем слушателям – моя сердечная благодарность.

Доклад 20. Русская философия как проект большой онтологии

Вячеслав Иванович Моисеев

Доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой философии, биомедицинской этики и гуманитарных наук МГМСУ имени А.Е. Евдокимова. Член правления Московского философского общества, член редакционной коллегии журнала «Соловьевские исследования».

Начну с очень простого. Как известно, в составе философского знания выделяют какие-то основные разделы, обычно это онтология, гносеология, аксиология, логику выделяют иногда отдельно, иногда в составе гносеологии.

Как мы знаем, онтология – это учение о бытии, своего рода такая философская физика. Вот простая схема, которая говорит о включении в состав философских знаний этих основных направлений. Аксиология, наверное – одно из самых гетерогенных направлений учения о ценностях, которые, в свою очередь, включают в себя: этику, эстетику, антропологию социологии, философское учение и так далее.

Но в XX веке возникает и становится более популярным еще одно понимание онтологии не как раздела учения о бытии – классического, стандартного понимания онтологии – а как онтологии, где начинает пониматься любой возможный мир со своим пространством, временем, материей, сущими, законами. Начинают говорить вообще о любых онтологиях: онтологиях литературного произведения, онтологиях компьютерных игр, онтологиях общества и культуры, онтологиях фирмы, онтологиях внутреннего мира субъекта, онтологиях познания, логических онтологиях и т. д. И онтология в этом случае должна, по-видимому, включать в себя как минимум пять основных компонентов:

- свое пространство;
- свое время как возможный мир;
- своя материя;
- свои сущие;
- свои законы;

Под законами можно иметь в виду какие-то категории, смыслы, цели, идеи, то есть вот такой мир платоновского, гераклитовского логоса и платоновских идей, смыслов.

Если мы зайдем в интернет и наберем там, например, в картинках Яндекса слово «онтология», то мы найдем огромное количество разных примеров, которые подтверждают это размножение термина «онтология» как возможного мира. Например, классификация разного рода сущностей как своего рода онтология. Особенно в связи с развитием модели искусственного интеллекта, где строятся фреймы например. То есть какие-то категоризации тех или иных смыслов, тех или иных фрагментов реальности структурируются. Например, онтологии предметной области наблюдения за Солнцем. Огромное количество разных каких-то понятий, категорий, процессов, которые все между собой взаимосвязаны. Или вот еще организационная онтология, которая включает в себя организационную конструкцию, состояние дел, процессы, деятельность. Какие-то онтологии семантической сети, допустим, структура автомобиля, те, кто использует этот автомобиль, его устройство. Разного рода литературные онтологии, например, особенно популярное фэнтези: Карта Средиземья «Властелина колец» Толкиена или целые циклы литературных произведений мира братьев Стругацких, мира Роджера Желязны, кстати, «Хроники Амбера» Роджера Желязны – как раз та же самая идея онтологии как возможных миров; Принцы Амбера, как вы помните, имеют способности спокойно переходить из одного отражения в другое, достигая Амбера или путешествуя обратно. То есть такая философия множества возможных миров.

Вот всё это позволяет говорить о том, что формируется со второй половины XX века философия своего рода онтологического плюрализма, то есть рассмотрение разного рода определенностей, которые ранее представлялись как части мира, в качестве малых миров, обладающих относительной онтологической автономностью. Этот онтологический плюрализм приходит на смену онтологическому монизму – направлению, которое утверждает господство одного большого мира, в котором растворены все остальные области реальности как его фрагменты. Вот в этом случае под понятие «онтология» начинают попадать в том числе и разделы гносеологии, аксиологии, логики – у них тоже, получается, есть своя онтология.

Онтология познания, ценностные онтологии, логические онтологии... В связи с этим я предлагаю различать два понимания онтологии:

- Малая онтология;
- Большая онтология.

Малая онтология – стандартное, классическое представление как раздела философии учения о бытии, в отличие от других разделов философии: гносеологии, логики, а вот Большая онтология – учение обо всех разделах философии как теориях возможных миров, в том числе гносеологических, археологических, логических и т. д.

В этом случае структура философии представляется несколько иначе, то есть, с одной стороны, ее дифференциация на вот эти основные направления, а с другой стороны, все они подводятся под конструкции Большой онтологии. Все они могут быть рассмотрены с точки зрения того, что все эти разделы – своеобразные возможные миры со своими структурами, пространствами, временами, сущими, законами и т. д.

Я хочу высказать такую базовую гипотезу моего сообщения о том, что русская философия, особенно русская философия всеединства, всегда тяготела в большей мере к образам Большой онтологии. В то время как западноевропейская философия в большей мере подчеркивала отличие онтологии от других разделов философского знания, то есть предпочитала образы Малой онтологии.

Отсюда часто возникало такое недопонимание с обеих сторон: Запад пытался деонтологизировать русскую философию, например, говорил, что философия всеединства – это мистика, это мифология, это вообще не философия, тем более – не онтология. А русская философия и русская философская традиция склонялись к онтологизации западных философских конструкций. В качестве примера можно рассмотреть нравственную философию: яркий пример – работа «Оправдание добра» Владимира Сергеевича Соловьева, который ставит перед собой главную задачу в этой работе – показать добро как правду.

Давайте посмотрим на это с точки зрения Малой онтологии. С точки зрения западного взгляда дифференциации философского знания на различные направления. Здесь возникает некоторый абсурд с точки зрения западного философского подхода. Показать аксиологические конструкции, то есть добро, как гносеологические, то есть как правду, как истину. То есть с точки зрения этого дифференцирующего подхода Малой онтологии здесь возникает недопустимое смешение. Но на самом же деле Соловьев работает в рамках определенной Большой онтологии, и для него здесь не возникает никаких ошибок.

Вот давайте немножко проанализируем эту позицию. В свое время в первых моих двух монографиях, «Логика всеединства», «Логика добра», я как раз ставил задачу идти вслед за текстами русских философов и пытаться их интерпретировать. В этих монографиях выделены основные концепты русской философии всеединства, которые были названы

«логика всеединства», и там, в частности, показано, что у Соловьева работает в рамках моделей так называемых «субъектных онтологий», то есть представление феномена жизни или живого существа как малого мира со своим пространством временем, сущими и законами.

Живое существо обладает в этом случае своим внутренним миром, причем, заметьте, внутренний мир – это тоже мир. То есть это тоже Малый мир, в котором живое существо своими органами чувств создает разного рода изображения, в кавычках, в таком широком смысле это не обязательно зрительное изображение, может быть любая сенсорность, и живет оно именно в таком жизненном мире. Этот мир является некоторым малым миром, малой онтологией в составе большого мира, активно взаимодействуя с ним. То есть живой организм, живое существо как микрокосмос, подобен макрокосмосу. Здесь важно различать четыре основных понятия: два онтологических и два гносеологических.

Онтологические – это объектный и субъектный: объектный – относящийся к объектам, которые понимаются как неживые сущие, а субъектные – относящиеся к субъектам как к живым сущим.

Два гносеологических понятия: объективный и субъективный: объективный – истинный, обоснованный, а субъективный – условный или ложный. Что здесь происходит? Здесь возникает два основных типа рациональности, которые можно условно называть классической и неклассической рациональностью. У классической рациональности в основании лежат вот эти два отождествления. Объективные понимаются как объектные, откуда вытекает, что субъектные – это субъективное. То есть объективным может быть только то, что относится к миру объектов в качестве неодушевленных сущих. Поэтому всё, что относится к субъекту, его внутреннему миру – всё выносится за скобки понимания рациональности, и поэтому всё это оказывается субъективным.

В классической рациональности, которая лежит в основании русской философии всеединства, сосредоточено интегральное понимание объективности, когда оно распространяет себя и на объектное и на субъектное. В том числе возникает новый концепт объективной субъектности, то есть субъектность перестает отождествляться субъективностью. Да, она может быть и субъективной, но она может быть и объективной. Это объективные структуры внутреннего мира как отдельного живого существа, так и, например, структуры коллективных внутренних миров. Допустим, того же самого юнговского коллективного бессознательного. И в основе Большой онтологии, в частности субъектных онтологий, лежит интегральный характер неклассической рациональности, в том числе концепт объективной субъектности.

Вот добро, как оно понимается Соловьевым, это очень яркий пример объективной субъектности. Нравственность и добро для Соловьева не субъективно, но субъектно, то есть это объективная субъектность.

Если немного поварьировать эту конструкцию субъектной онтологии, я, идя вслед за представителями русской философии всеединства, показал в этих монографиях, что здесь можно использовать такую интересную модель живого существа, которую они, по сути, не явно использовали, не всегда до конца эксплицируя ее конструкции, но в принципе вплотную подходя к этим конструкциям. Вот что это за конструкции?

Понимается, что живое существо обладает фундаментальной способностью оценивать бытие, оценка – это фундаментальная способность любой формы жизни, даже самой простейшей. Даже вирусы уже обладают способностью какой-то элементарной оценки. Оценка интерпретируется как субъектные измерения – вот опять, заметьте, не субъективное, не обязательно субъективное, но обязательно субъектное, протекающее в рамках внутренних миров субъектов. Когда субъект меряет бытие собою, своей самостью. Самость понимается как центр интеграции внутреннего мира некоторые инвариации, которые организуются в структуре внутреннего мира. Результатом этого измерения является некоторая мера того, сколько субъекта, его самости находится в измеряемой ситуации. Я предлагал уже давно эту меру называть «степень объекта».

Таким образом, как только субъект попадает в какую-то реальность, он тут же начинает мерить собою окружающее бытие и распределяет по нему свои степени себя. Хорошее для субъекта – это то, на чем определяется высокая степень себя, а плохое – то, где малая степень себя. Здесь можно сформулировать фундаментальный закон любой формы жизни – независимо от того, в каких мирах она существует, какими телами она обладает, какими ценностями, этот закон условно можно назвать «закон субъектности». Он объективен, он универсален для любой формы жизни, и поэтому только субъектность, никакой субъективности, то есть звучит он примерно так: субъект пытается так менять ситуации своего жизненного мира органами своего действия, чтобы повышать свою степень себя или предотвращать их падение. Причем изнутри себя все формы жизни всегда делают одно и то же – пытаются повышать степени себя или, в крайнем случае, предотвращать падение степени себя. Лишь извне они различаются теми мирами, где они воплощены, теми телами, которыми они обладают, и теми конкретными степенями себя, которыми они меряют окружающее бытие. В связи с этим очень легко определяется категория ценности. Ценность – это то, что связано с повышением

степеней себя субъекта, конечно ценность для этого субъекта. Можно разделять разные виды ценности, например цель как ценность. По мере того как субъект приближается к цели, его степени себя растут. Ценность как действие, которое приближает к этой цели, то есть действие, повышающее степень себя, и ценность как условие, как тот фактор, который позволяет совершить плюс действия.

Например, если вы хотите посмотреть фильм, то вам нужен смартфон или ноутбук, или вы пойдете в кинотеатр. Вам нужно какое-то условие, которое позволило бы посмотреть фильм, на протяжении которого, если фильм хороший, если вам понравится, будут расти ваши степени себе. Этот смартфон, это устройство, которое обеспечивает просматривание фильма – ценность условия, без которого невозможно реализовать положительные действия, где растет степень себя. Таким образом, жизненный мир субъекта – это мир, пронизанный ценностями, потому что ценности связаны со степенями себя, а субъект постоянно распределяет степень себя по состоянию своего жизненного мира. В этом плане субъектная онтологии – существенно ценностные онтологии.

Теперь перейдем к феномену нравственности, я здесь буду использовать термин «нравственный» по аналогии с логикой, где используют термин «истинностный», например истинностные значения суждений, это либо истина, либо ложь. Точно так же нравственный я буду понимать как либо добрый, либо злой, в то время как нравственный это, конечно, обязательно добрый. Так вот, опираясь на структуры субъектных онтологий, можно строить многие субъектные конструкции и выражать с ними связанные принципы и законы, в том числе можно строить нравственные онтологии. Такие онтологии требуют множество дополнительных конструкций, в первую очередь таких категорий, конечно, как Разум и Развитие. Давайте немножко их коснемся.

Разум – это способность субъекта строить и оперировать с бесконечными изображениями в своем внутреннем мире – вот так можно в наиболее существенном виде определить способность разума. Ну что это за бесконечное изображение? Это общие понятия, универсальные законы, феномен «я», эго – это все общие идеи, универсальные принципы. В каком смысле оно бесконечно? В том смысле, например, что оно бесконечно по объему, то есть оно обобщает бесконечное число частных случаев, которые охватываются этим понятием. Вот такие изображения внутреннего мира, которые уже как бы сжимают в себе бесконечность: общие понятия, универсальные законы и так далее – вот это есть

то, что я называю бесконечные изображения. И разум возникает как достаточно сложный внутренний телевизор, то есть каждый внутренний мир у субъекта – это свой личный телевизор или свой личный монитор, который показывает разные изображения. Эти телевизоры могут быть более сложные, более простые, например, черно-белые или цветные, плоские или какие-то голограммы, объемные, показывающие прошлое и будущее или только настоящее, сиюминутное. Это уже зависит от степени развития субъекта и развития внутреннего мира. Чем сложнее субъект – тем сложнее его тело и тем сложнее внутренний мир; тело – это просто вывернутый наизнанку внутренний мир. Внутренний мир – это внутреннее тело. Это два полюса одного и того же состояния. Разум – это очень сложная конструкция, такой мощный телевизор, который может показывать бесконечные изображения на своих экранах. Когда субъект достигает мощности внутренних изображений, то в нем вспыхивает способность разума.

В своем внутреннем мире разумный субъект может строить модели своего внутреннего мира и внешнего мира, внутренних миров других субъектов, и здесь начинают работать два фундаментальных оператора разума: рефлексия и эмпатия. Возникает то, что Владимир Александрович Лефевр называл рефлексивными онтологиями – такие зеркальные онтологии с бесконечным числом зеркал, онтологических зеркал, которые могут отражать сами себя, другие зеркала, миры, и возникают связанные с этими операторами инварианты, которые сохраняются в этих преобразованиях рефлексии и эмпатии.

Рефлексия – это когда то, что было бесконечным, становится конечным. Как бы локализуется, а эмпатия, наоборот, когда мы берем какое-то конечное состояние сознания, ныряем туда и растягиваем его на весь экран сознания. Делаем его бесконечным.

Так что здесь постоянно работают переходы между конечным и бесконечным, и возникают инварианты, которые являются вариантами конечного и бесконечного, я их условно называю финфиниты. То есть, с одной стороны, инфиниты, а с другой стороны, финиты, то есть бесконечные и конечные. Вот такой неологизм, который объединяет финитное, инфинитное, конечные и бесконечные инварианты.

Они являются самыми главными в организации разума, и у разумных субъектов возникает «Я» – рефлексивная «самость». Та самость, которая была интеграция внутреннего мира до возникновения бесконечных изображений, например самость животных, которая могла интегрировать только конечные интервалы времени, конечные области пространства, конечное число объектов, состояний сознания, это

до-рефлексивная самость. Когда внутренний мир начинает обладать способностью строить бесконечные изображения – в нем усиливается и самость – она обретает способность финфинита, то есть того инварианта, который сохраняется в преобразованиях рефлексии, эмпатии, и возникает «Я». То, что мы называем «Я», это есть как раз тот самый инвариант, который продолжает сохраняться, несмотря на рефлексии и эмпатии. Это то, что можно назвать рефлексивной самостью.

Только для разумных субъектов возникает свобода, потому что свобода – это способность «Я» быть причиной своих деяний, поэтому понятно, что без «Я» свобода невозможна. «Я» выступает как причинный фактор, а для того, чтобы образовать «Я», нужны бесконечные изображения, инварианты этих бесконечных изображений – финфиниты. Вот так всё это стыкуется вместе: бесконечность, инфинитность, «Я» как рефлексивная самость, операторы рефлексии и эмпатии, а также свобода. Также в этих онтологиях начинают формироваться нравственные чувства, переживания нравственных оценок, то есть доброго и злого степеней себя, которые завязаны на них, и нравственный разум – способность осознавать и использовать нравственные принципы и законы: законы добра и зла.

Вот и как в этом случае можно определить идею добра? Здесь опять нам приходит на помощь русская философия всеединства. Вообще базовая формула, как очень просто понять русскую философию всеединства? Соловьев предложил всё свести ко всеединству.

Вот самое простое, как можно понять, это философское. Всё нужно объяснять как всеединство, как в разной степени формы состояния всеединства. Бога понимать как всеединство, свободу понимать как всеединство, истину понимать как всеединство, добро понимать как всеединство, развитие понимать как всеединство. Всё это разные модальности всеединства. Вот могучая идея, суперидея, которая была предложена Соловьевым. Она когда работает? Когда мы всеединство понимаем, по сути, как новую теорию многообразия, то есть, когда он говорит о всеединстве, он явно предполагает некую тектологию. Если брать термин Богданова «учение» – всеобщая организационная наука, которая работает фундаментальной структурой бытия с какими-то полярностями, многообразиями, фундаментальностями.

Соловьев, по сути, предлагает идею более глубокой теории многообразия, что есть всеединство многообразия, которое может быть организовано не так, как она сегодня представляется в современной математике, в виде Канторовского множества. Это очень слабый образ многообразия, такой редукционистский, когда элементы множества –

они практически ничем не связаны и абсолютно не положены друг другу. Мы просто мысленно очерчиваем вокруг них границу, и этого уже достаточно для того, чтобы образовать множество. Но чтобы образовать всеединство, этого, конечно, абсолютно недостаточно. Здесь нужен какой-то синтез. Здесь нужно органическое целое. Система, которая всё это соединит в некоторое единое.

По сути, таким образом Соловьев предполагает новую более глубокую теорию многообразия и на основе этой теории многообразия своего рода новую метаматематику, потому что в основе математики, как мы видим, лежит учение о многообразии. Если мы поменяем учение о многообразии и на место такого художочного редукционистского внимания к многообразию, которое господствует там сегодня, введем вот это мощное интегральное многообразие как всеединство, то у нас абсолютно все изменится.

Вся наука изменится, вся математика изменится. Она вся приобретет совершенно иные холистически-платонистические контуры. Вот, по сути, что хотел сделать Соловьев, но он не пошел, он не переступил через линию структурности, он не пошел дальше для того, чтобы начать развивать математику всеединства. Вот это я пытаюсь сделать в рамках этого нового направления философии неовсеединства, но все основные пути были намечены. Точно так же и с добром в русской философии всеединства: добро – это всеединство. То есть то, что способствует росту всеединства, сохраняет и усиливает его. Можно уточнить, что это, конечно, не любое всеединство, а в первую очередь субъектное, то есть то, которое связано с обществом, с культурой – социокультурное всеединство субъектное. Но оно имеет свои обертона и модальности, расширяющиеся и на природное всеединство, и вообще на космическое всеединство. Просто в центре стоит социокультурное, антропологическое всеединство – оно и лежит в основании добра. Вот в этом случае идея добра, оказывается, тесно связана с идеей развития, поскольку развитие – это рост всеединства: всё стыкуется, все категории начинают перетекать друг друга. Отсюда вытекает, что добро – это то, что способствует развитию.

Теперь, возвращаясь к теме онтологизма оправдания добра, мы видим, что работа Владимира Соловьева – это есть фундаментальный труд, использующий конструкции субъектных онтологий, особенно такого их вида, как нравственность, в рамках которых показывается, что добро и сохранение, и рост всеединства, совершаемые разумным субъектом свободно и осознанно. Наоборот, зло – это все то, что свободно и осознанно разрушает всеединство. Поскольку всеединство –

это само бытие, то добро – то, что ведет к росту бытия, зло – к его разрушению. Нравственное определение начинает звучать предельно онтологично.

Опять вернемся вот к этой теме, которая была заявлена во втором предисловии к оправданию добра: как же теперь понять показ добра как правды? Правда в данном случае это оправдание добра, то есть показ добра как самой инвариантной гипотезы жизни или то, что можно назвать смысл жизни, выбирая которую вы получаете возможность наиболее полно включать в себя все примеры жизни, исправляться со всеми ее контрпримерами. Тут полная аналогия с гносеологией подобно тому, как истина выступает максимально гносеологическим инвариантом, который ассимилирует все примеры и справляется со всеми контрпримерами, включая их в свой состав и делая их своими примерами. Подобно этому, добро – это есть гипотеза самой жизни, самая инвариантная гипотеза самой жизни, которая обеспечивает максимально оптимальное, наиболее глубокое инвариантное бытие – человеческую жизнь. В любых ситуациях она оказывается наиболее работающей, наиболее интегральной гипотезой жизни, которая позволяет наиболее чистым и высоким образом пройти любые ситуации жизни и превратить все контрпримеры в примеры. Ассимилировать их и выступить как максимальные субъектные всеединства. Отсюда получается, что гносеология и аксиология сходятся в своей основе. И там и там речь идет о росте инвариантности, обобщенной инвариантности, которая одновременно выступает как всеединство. Только в одном случае растет инвариантность самой жизни человеческой, жизни общества, и тогда это инвариантность добра, а в другом случае растет гносеологическая инвариантность, но они растут по одинаковым законам, и они являются двумя модальностями одного высшего всеединства большой онтологии, которая все одинаково скрепляет, интегрирует между собой. Поэтому логика жизни в своей основе – это та же логика знания: гносеология и аксиология сходятся в рамках Большой онтологии.

На этом примере мы видим, что тема нравственности решается средствами конструкции субъектных онтологий, то есть в рамках Большой онтологии, когда субъект, субъектные структуры, аксиологические структуры понимаются как онтологические структуры, как структуры малого мира субъекта, и сам субъект понимается как малый мир со своим пространством, временем, материей, сущими и законами.

Подобным же образом русская философия склонна поступать и во всех остальных случаях. В итоге главной темой пространства самоопределения русской философии становится Большая онтология. То

есть методология представления всех разделов философии в рамках тех или иных онтологий, как малых, так и большой, в целом формирующих философию онтологического моноплюрализма. Онтологический моноплюрализм – это образ большой онтологии, где большой мир включает в себя множество малых миров, и малые миры обладают свойством мироподобия, то есть это такие части мира, которые подобны миру в целом. Вот малые миры – это мироподобные системы, это некая фрактальная онтологическая структура, когда большой мир включает в себя бесконечное множество малых миров, и каждый малый мир изнутри себя становится бесконечным, застилает весь онтологический горизонт. В то же время мы можем выйти из малого мира и увидеть его извне. Часть большого мира – это онтологическая рефлексия, и малые миры обладают моментом подобия большому миру – такая онтологическая голограмма одновременно, где многие части малого мира подобны миру в целом. В том числе внутренний мир каждого живого существа – также один из малых миров субъектной онтологии, более того, можно утверждать, что не просто онтологический моноплюрализм – в его состав входит множество малых миров, это еще и антиномистический моноплюрализм. Можно здесь использовать выражение Семена Франко «антиномистический монодуализм» – версия моноплюрализма с антиномистическим, антиномическим отношением малых миров, но это отдельная большая тема, тема антиномии и логики антиномии.

Методология Большой онтологии характерна только для русской философии. Мы находим ее примеры, яркие представления в восточных философских традициях и в интегральных философских направлениях западной философии: в платонизме и неоплатонизме, феноменологии, философии жизни, поэтому точнее было бы сказать так – принципы большой онтологии характерны для направления интегральной философии, тяготеющей к онтологическому моноплюрализму.

Что касается русской философии, то она использует методологию Большой онтологии, по крайней мере очень склонна к ее использованию, и для нее характерно скорее равновесие между Большой онтологией и множеством Малых онтологий. Есть способность у каждой Малой онтологии – стать большим миром изнутри себя. Но, в отличие от монадологии Лейбница, где малые субъектной онтологии в этом случае обладают абсолютным моментом замкнутости, здесь предполагается, что малые миры обладают как моментом замкнутости, так и открытостью на иные онтологические целостности. Например, именно так понимает их Николай Онуфриевич Лосский.

Я еще иногда эти онтологии называю Windows-онтологии, потому что здесь, я вот наверняка уверен, поскреби Билла Гейтса, и там найдется какой-нибудь русский программист, который на самом деле предложил эту идею Windows – операционную систему Windows, ее организацию. Как всегда, так сказать, «Большой брат» присвоил себе эти все достижения, ну это мое мнение, такая гипотеза, я, конечно, не могу быть уверен в этом. Ну, что-то меня, так сказать, наталкивает на такую мысль.

Как бы в рамках этой операционной системы Windows было воспроизведено преобразование онтологической рефлексии и эмпатии, которые являются фундаментальными для внутреннего мира, особенно для рефлексивных внутренних миров, когда каждый малый мир, может быть, растянут на весь онтологический горизонт большого мира – это онтологическая эмпатия. Наоборот, тот мир, который был онтологически глобален, может быть локализован в составе объемлющего онтологического горизонта – это онтологическая рефлексия. Здесь возникает аналогия с преобразованием окон в операционной системе Windows, где каждое локальное окошко можно вывести на весь экран, и наоборот, то окно, которое сейчас застилает экран, мы можем свернуть в какое-то локальное окно. Почему так популярна система? Потому что она во многом похожа на онтологию внутреннего мира.

Ну и в конце я хочу заметить, что проект Большой онтологии в русской философии и русской философии всеединства открыт. Он только историческая ценность, которая как некоторые макропрепараты погружена в склянку, залита формалином и поставлена на полку. Таким образом, абсолютно уже мертвый, нежизнеспособный. Нет, я думаю, что этот проект – он является вечным, это проект синтеза интеграции материала культуры, и поскольку материал культуры постоянно обновляется, то нельзя создать синтез один навсегда. Там могут быть, конечно, инвариантные уровни, на которых возможно создание универсальных структур для всех исторических синтезов, но там и богатейший содержательный материал, который постоянно обновляется от эпохи к эпохе. Поэтому новая эпоха требует нового всеединства, новой философии. Интегральный проект является вечно открытым проектом, поэтому я предлагаю воспринимать русскую философию как проект, который был во многом только намечен основными направлениями – его нужно постоянно, вечно развивать, все более и более достигая большего наполнения, большей структуризации этого проекта. Развивать его можно в самых разных направлениях, я для себя избрал неовсеединство, которое определяется в философии точно так же, как могут быть

образованы другие неонаправления относительно любых классических направлений.

Да почему не быть и неовсеединству? То есть продолжению и развитию традиции философии всеединства сегодня и в будущем. Это общее определение, то есть неовсеединство – это философское направление, которое развивает проект философии всеединства на материале современной культуры, а внутри этого большого определения возможны какие-то более частные направления. Для себя я избрал к идее философии всеединства его структуризацию, то есть то, что было во многом ими намечено, например Павел Флоренский очень занимался много и математикой, и логикой, пытался конструкции философии всеединства представить в более строгой структурной методологии. Эта линия явно прослеживается. И Бердяев обвинял Соловьева в философском конструктивизме, что он слишком конструирует смыслы, настолько, что иногда это просто уже превращается в некоторые технологии подобно математике. То есть явно эта тенденция, эта линия была. Я думаю, что она очень важна, можно в этом плане развивать дальше философию всеединства, создавая новую математику и структуры, которые могли бы адекватно выражать как раз вот все эти базовые концепты философии всеединства, концепции единства, концепт существа, концепт антиномии, концепт теофании.

Три базовых концепта, которые я выделил в блоки всеединства, и каждый из них сопоставил новую математическую структуру. Вот и тогда уже этот проект приобретает новое измерение, он становится уже некоторой математической интегральной философией, то есть не аналитической философией, как на Западе, где они соединяют формальный структурный метод с анализом и во многом опять-таки редуционизмом, а соединяет со структурным методом интегральной философии и идей философии всеединства. Это, конечно, очень интересно. Поэтому философия неовсеединства, в моей версии, ставит перед собой задачу создания новой математики, способной релевантно выражать конструкции Большой онтологии.